

-
19. *Potebnja A. A.* Iz zapisok po rusckoj grammatike. M., 1977. T. IV. Vyp. II.
20. *Razmusen L. P.* O glagol'nyh vremenah i ob ih otnoshenii k vidam v rusckom, nemeckom i francuzskom jazykah // ZHMNP, 1891.
21. *Smirnov I. N.* Kategorija vremennoj lokalizovannosti dejstvija v sovremennom rusckom jazyke. SPb., 2001.
22. *Smirnov I. N.* Vyrazhenie povtorjaemosti i obobschennosti dejstvija v sovremennom rusckom jazyke. SPb., 2008.
23. *Sheljakin M. A.* Kategorija vida i sposoby dejstvija rusckogo glagola: Teoreticheskie osnovy. Tallin, 1983.
24. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1967.

E. B. Сундужева

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОГЛАСНОГО М В ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЯХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

С позиции фоносемантики рассматриваются лексемы монгольских языков, образованные от корней с губным сонантом м. Анализ показал, что такой признак артикуляции, как смыкание губ, приводит к развитию в производных значений, тесно связанных с семемой 'рот'. Среди них — звукоподражательные слова, передающие движения рта, а также звукосимволические лексемы, объединенные значением 'нечто круглое, небольшое/ мелкое'.

Ключевые слова: фоносемантика, зрительное восприятие, артикуляция, образ, форма, звукоподражание.

E. Sundueva

PHONOSEMANTIC FUNCTIONS OF CONSONANT M IN MONOSILLABIC STEMS OF MONGOLIAN LANGUAGES

From the position of phonosemantics, the paper examines words of Mongolian languages derived from the stems with the bilabial consonant m. It is argued that the features of this sound's articulation form the meanings of onomatopoeic and sound-symbolic words closely related to the image of an open mouth: 'something small, round' etc.

Keywords: phonosemantics, visual perception, articulation, image, form, onomatopoeia.

В современном монголоведении проблеме звуковой изобразительности уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем исследование фонемотипов в монгольских языках, несомненно, позволит получить принципиально новые закономерности их происхождения. В категорию звукоподражательных и звукосимволических (образных) слов, составляющих обширнейший пласт лексики языков алтайской языковой

группы, входят не только слова с ярко выраженной, но затемненной или, казалось бы, утраченной ономатопоической и образной природой.

Механизм артикуляции носового губного сонанта *м* в монгольских языках не отличается от такового в русском языке. Согласный произносится путем смыкания нижней губы с верхней, после которого имеет место внезапное раскрытие преграды

и шумный выход воздушной струи. Активное участие губ в артикуляции согласного *м* обусловило появление в монгольских языках большого количества слов с данным звуком в корне, коррелирующих с семемой 'рот'.

В первую очередь это сам соматический термин п.-мо. *ата*, мо. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, ойр. *аман* 'рот, уста; пасть, зев', семантически тесно связанный с п.-мо. *атин*, мо. *амин*, бур. *амин*, калм. *эмен*, ойр. *эмен* 'дыхание; жизнь'.

По всей видимости, смыкание губ при произнесении звука *м* влечет за собой дальнейшее отсутствие иных звуков, т. е. тишину. Это способствовало появлению данного звука в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие, различной огласовки: п.-мо. *ет жим*, мо. *эм жим* 'безмолвие, ничем не нарушаемая тишина'; п.-мо. *пат гйт*, мо. *нам гүм*, бур. *нам*, калм. *нам*, ойр. *нам* 'тихий, спокойный', бур. *нэм* 'тихий, защищенный'; п.-мо. *ит жим*, мо. *им жим* 'тихо, безмолвно, бесшумно'; п.-мо. *жимир*, мо. *жимэр* 'тишь да гладь; без забот; тишина, покой, умиротворение'; п.-мо. *потиган*, мо. *номгон*, бур. *номгон*, калм. *номһн*, калм. *номхон* 'смирный, спокойный, тихий'; п.-мо. *dömtüger*, мо. *дөмгөр* 'тихий, спокойный, уравновешенный' и пр. Фонема *м* также присутствует в анлауте корня *молк* (рус. *смолкнуть, молчать*).

Как видно из значений примеров, согласный *м* в корне передает как отсутствие звуков, шумов, так и душевное спокойствие, умиротворение. Закономерно, что в ряде случаев семема 'тишина' влечет за собой 'осторожность': п.-мо. *дам дум*, мо. *дам-дум* 'с опаской' (ср. *дам үг* 'слух, молва'); п.-мо. *сет*, мо. *сэм*, калм. *цем*, ойр. *сем* 'тихо, крадучись; бесшумно, тайно'; бур. *дүмүү* 'осторожный'; *сүмөөнөөр* 'осторожно, неслышно; налегке'.

Однако в значении некоторых слов все же появляется семема 'звук, шум': п.-мо. *ите*, мо. *имээ* 'шум, гул, крик; слухи'; п.-

мо. *ċimege*, мо. *чимээ*, бур. *шэмээ*, калм. *чимән* 'шум, звук'. По всей вероятности, эти лексемы первоначально обозначали тихие звуки: ср. калм. *шимлдх*, ойр. *шимендехе* 'шептать, нашептывать'; бур. *гэмэрхэ* 'ворчать, брюзжать, быть всегда недовольным' (в калм. *гемүр* прослеживается «несушное» значение 'душевное беспокойство, тревога'). К форме *ċimege* авторы EDAL приводят следующие алтайские параллели: прототунг. **tim-* 'затишье (о погоде); притихнув, примолкнув; шевелить губами, ворчать; тишина (ночью в лесу)'; прототюрк. **Tij(mi)* 'звук; говорить; ворчать'; протояп. **tàmár-* 'молчать'; протокор. **tam ir-* 'закрывать рот, молчать' [6, с. 1426–1427].

В тюркских языках также функционируют корни *тым/ дым* со значениями 'умолкать, замолкать; безмолвно, молча; молчаливый, спокойный; осторожно, исподтишка': ср. каз. *тым-тырыс* 'безмолвие', ккал. *тым-тырс* 'тишина, пауза' [1, с. 340–341]. Приведенные примеры в тюркских языках фонетически переключаются с п.-мо. *temteri-*, мо. *тэмтэрэ-*, бур. *тэмтэр-* 'ощупывать; ходить ощупью'; п.-мо. *temtele-*, мо. *тэмтлэ-* 'трогать рукой, шарить; идти на ощупь', на основе которых восстанавливается корень **temte*, передающий осторожные, тихие, плавные движения рукой, совершаемые в темноте/ тишине. Ср. бур. *тэмгэ ябаха* 'идти наугад'; в т.-ма. языках *тэми-* 'щупать, трогать, пробовать на ощупь' [4, с. 233].

Большую группу производных составляют звукоподражательные глаголы, в которых фонема *м* передает артикуляционно-символическое значение 'движение ртом, сопровождающееся смыканием губ': мо. *шам шам хийх* 'чавкать; есть' (ср. рус. *шам-кать, чмо-кать*), *шам хийх* 'уплетать', бур. *шам-шам жажалха* 'жевать, шлепая губами', *шамшарха* 'причмокивать'; калм. *шам-шам гиж идх* 'есть, чавкая'. От корней *шам/ чам/ шом* также образованы формы

бур. *шамарлаха* ‘не удовлетворяться тем, что есть (или что дают)’; п.-мо. *šatang*, мо. *цаман* ‘слишком разборчивый в еде; сытый, пресыщенный’; бур. *шомшиорхо* ‘прищелкивать, цокать (языком); щелкать (о пении птиц)’. Ср. якут. *чамыгыраа* от *чам* ‘звук при резком открывании и закрытии рта’. В т.-ма. языках зафиксирована форма нег. *чамули-* ‘съесть что-л. одному (не поделиться)’, ма. *чимкишамэл’ан* ‘неохотно, без аппетита, чавкая ест’ [4, с. 386, 395].

Корень *там*, обозначающий причмокивание, без труда восстанавливается в глаголе п.-мо. *tamšiyaqu*, мо. *тамшаах*, бур. *тамшааха*, калм. *тамшаах*, ойр. *тамшааха* ‘чавкать; производить губами и языком громкие, причмокивающие звуки; чмокать (от удовольствия), смаковать; щелкать языком; пробовать на вкус’. Ср. прототунг. **tami-* ‘чавкать; вдыхать; глотать (воздух, слюну)’, протояп. **tàmias-* ‘пробовать’. Г. Дерфер предполагал ономатопоетическое происхождение корня (*onomatopoetisch-verdächtig*) [6, с. 1397–1398]. Производящая основа *там* выделяется в существительном п.-мо. *tamsuy/ tangsuy*, мо. *тамсаг/ тансаг* ‘удовольствие, приятность; лакомство, сласти’, на основе семантики которого становится очевидной звукоподражательная природа п.-мо. *амта*, мо. *амт*, бур. *амта(н)*, калм. *амтн*, ойр. *амтан* ‘вкус; привкус’. Ср. значение устаревшей лексемы п.-мо. *амтай*, мо. *амтай* ‘сладкий, приятный’ (рус. *ням-ням*). В EDAL отмечены протояп. **ámá*, **ántí* ‘вкус; вкусный, сладкий’; прототунг. **amŋa*, **amta* ‘рот; пробовать на вкус’, последнюю из которых, по мнению авторов, вряд ли можно считать заимствованием из монгольских языков, поскольку мо. *амта(н)* функционирует только в субстантивной форме. Эвенк. *амта* ‘вкус’, равно как и дериват *-la*, скорее, восходят к монгольским языкам. Для *амŋa* ‘рот’ заимствование исключено [6, с. 297].

Номинация в п.-мо. *tamki*, мо. *тамхи(н)*, бур. *тамхи(н)*, калм. *тэмк*, ойр. *тэмке* ‘та-

бак’ также, по всей вероятности, обусловлена причмокивающими звуками, сопровождающими процесс курения. Ср. орок. *тума* ‘мундштук (для курительной трубки)’ [4, с. 414].

П.-мо. *qamkiqu*, мо. *хамхих*, ойр. *хамхаха* ‘прикрывать; складывать; запахивать; смыкать, закрывать’ восходит к аналитической конструкции *хам хийх* ‘сделать *хам*’, т. е. ‘закрывать рот’. Отсюда медицинский термин *хамхилт* ‘окклюзия; смыкание зубов’. На основе лексемы п.-мо. *qamuyči*, мо. *хаммагч*, бур. *хаммагша* ‘кляп; поводок, продеваемый верблюду в ноздри; намордник’ восстанавливается значение ныне не функционирующего глагола п.-мо. *qamiqu*, мо. *хамах* ‘закрывать, затыкать’ (нос, рот). Значение п.-мо. *qomqai*, мо. *хомхой*, бур. *хомхой* ‘жадный, ненасытный’ также возникло на основе звукоподражания: ‘едящий, издавая звуки *хом-хом*’.

П.-мо. *kemelikü*, мо. *хэмлэх/ химлэх*, бур. *химэлхэ* ‘глодать, обгладывать; щипать траву (о лошади)’, калм. *кемлх*, ойр. *кемлехе* ‘грызть (семечки); грызть (о лошади)’; п.-мо. *kemkikü*, мо. *хэмхэх* ‘ранить, наносить ранение (о животном), кусать, грызть’: *яс хэмхэх* ‘грызть кость’, калм. *кемкх/ үмгх*, ойр. *кемкехе* ‘кусать (о собаке)’. Ср. ма. *кэмки-/ кэмкэ-* ‘кусать, хватать за ноги’ [3, с. 448]. П.-мо. *čötikü*, мо. *цөмөх*, бур. *сэмэхэ* ‘грызть, щелкать (орехи); шелушить (напр. зерна)’.

М. Рясянен сопоставлял тюрк. *гемир-* ‘грызть; глодать; точить; кусать’ с мо. *ketmeli-*, ссылаясь на Г. Рамстедта и отмечая переход этого глагола в якутский: *kömyllä-* ‘глодать, грызть зубами кости’. Э. В. Севортян рассматривал тюрк. *гемир-* как по-настоящему-переходную форму на *-(ы)р* от глагола *гем-*, историческая реальность которого подтверждается его производными, существовавшими в турк. и тур. диалектах: турк. *гем-мик* ‘щербатый’, тур. *гем-е* ‘мышь, разновидность крота; (человек) с крупными зубами’. Автор допускает, наряду с глаго-

лом *гем-/ кем-* существовал его именной коррелят, который <...> представлен с тур. и др. *гем* ‘удила, уздечка’ [1, с. 19].

П.-мо. *čimüge*, мо. *чөмөг*, бур. *сэмгэ(н)*, калм. *чимгн*, ордос. *tš‘ötögö*, монгол. *tšim-iGe*, дунс. *чумэһэ*, дагур. *шимуг* ‘костный мозг; костномозговая масса; трубчатые кости’ восходит к движению губами, условно воспроизводящимся с помощью корня **чим*, обозначающему высасывание костномозговой массы из трубчатой кости. Ср. эвенк. *чумэ-, чумэмэ-* ‘состать что-л.’, эвен. *чимэчин ~ чимэчен* ‘вымя’, ма. *чимику* ‘рожок (для кормления детей молоком)’, *чимилан* ‘рог охотничий’ [4, с. 414].

Фонетически и семантически близко п.-мо. *kit-e*, мо. *хим/ хэм* ‘губчатое вещество костей’, калм. *кем* ‘губчатая кость’, ойр. *кем* ‘костный мозг’. С данной лексемой, а также с маньчж. *кеті* ‘мозг, покрытый кровью’ обычно сопоставляют тюрк. лексему *кемик* ‘губчатое костное вещество; мягкие части костей; кость’, которая, по замечанию Л. Л. Левитской, достаточно широко распространена в современных тюркских языках. Производящей основой тюрк. *кемик* Э. В. Севортян считает глагол **кем-* ‘грызть, глодать’, восстанавливаемый из *гемир-* ‘глодать’ [5, с. 36]. Для тунгусо-маньчжурских языков А. В. Дыбо восстанавливает праформу **химНан* < *хати-Нан* ‘костный мозг трубчатых костей’: эвенк. *умāн*, солон. *умā*, эвен. *умьн*, негид. *оман*, орох. *уман*, уд. *ума(н)*, ульч. *хома(н)*, орок. *хума(н)*, маньчж. *умһан* ‘костный мозг’ [2, с. 261].

П.-мо. *šim-e*, мо. *шим*, бур. *шэм*, калм. *шим*, ойр. *шиме* ‘сок; питательность; плодородие; жизненные силы; влага; упитанность’; орд. *šime*, мог. *šimi*, даг. *šim*, ж.-уйг. *šəte*, монгол. *šime* ‘сок’ [6, с. 1328]. П.-мо. *šitekü*, мо. *шимэх* ‘сосать, высасывать, обсасывать; лобзать’, бур. *шэмэхэ*, калм. *шимх*, ойр. *шимехе* ‘высасывать сок; смаковать какой-л. напиток’ также обусловлено движением губ при высасывании сока

из чего-л. Лексема восстанавливается в языках алтайской общности: прототунг. **šime-* ‘просачиваться, сосать’, прототюрк. **simü-/ sümü-* ‘сосать’, протояп. *sim-* ‘впитываться, просачиваться’ [6, с. 1328].

П.-мо. *ümküki*, мо. *үмхэх*, бур. *үмхэхэ*, калм. *омхх/ үмкх*, ойр. *үмкехе* ‘брать, класть в рот; держать во рту; куснуть, откусывать’ восходит к сочетанию *üm kiki* ‘сделать үм, сомкнув губы’. В калм. *үмкх* также имеет значение ‘кусать, покусать’ (о собаках). П.-мо. *ötüljekü*, мо. *өмөлзөх* ‘смеяться, хихикать, плакать, сжимая рот’. Мо. *өмөс-өмөс* ‘беззвучно есть’, *өмхөсхийх* ‘внезапно беззвучно засмеяться’. В рамках тюрко-монгольской изоглоссы протомонг. **emkü-* ‘глотать; кусать; жевать’ сопоставляется с прототюрк. **em-ig*, **em-ček* ‘грудь (женская); сосать; сосок’ [6, с. 505–506].

Примечательно участие корня *өм* в вербализации обонятельного восприятия: адъективные формы п.-мо. *ötüki*, мо. *өмх*, бур. *үмхи* ‘гнилой, трухлявый; обветшалый’, п.-мо. *ötükei/ ümükei*, мо. *өмхий/ үмхий*, бур. *үмхэй*, калм. *үмө*, ойр. *өмке* ‘вонючий, тухлый, зловонный’, на наш взгляд, связаны с плотным сжатием губ и задержкой дыхания во избежание попадания в легкие неприятного запаха.

Наконец, процесс смыкания губ отражен в названиях некоторых духовых музыкальных инструментов: п.-мо. *šimbegür*, мо. *жимбүүр*, бур. *жэмбүүр* ‘дудка, свирель, рожок из тростника’ (ср. п.-мо. *šimbekü*, мо. *жимбэх* ‘сжимать губы’). Скорее всего, то же действие заложено в названии п.-мо. *limbi*, мо. *лимбэ*, бур. *лимбэ*, калм. *лимб*, ойр. *лимбе* ‘лимба, флейта’. Источником звука в этих инструментах, представляющих собой полу трубку, служат колебания столба воздуха, вдвухаемого ртом.

Не случайно большое количество образных прилагательных с согласным *м* в монгольских языках характеризует именно форму губ: бур. *омогор* ‘с поджатыми за-

павшими губами»; п.-мо. *atšiyur*, мо. *амцгар* 'плоскогубый'; п.-мо. *emšeger*, мо. *эмцгэр* 'имеющий заячью губу' и др.

Номинация в п.-мо. *отуу*, мо. *омог*, бур. *омог*, калм. *омг*, ойр. *омог* 'гордость, высокомерие', на наш взгляд, обусловлена внешним видом надменного человека, точнее, выражением его лица: человеку свойственно от важности своей хмуриться и пожимать губы. Ср. англ. *to prim* 'принимать строгий, официальный вид; напускать на себя важность', *to prim (up) one's lips (mouth)* 'поджимать губы'. Тот же признак номинации прослеживается в п.-мо. *tuma*, мо. *тум* 'чванство, гордость, надменность', бур. *тума яма хүн* 'упрямый важный человек', а также в бур. *гом* 'жалоба, сетование, обида', калм. *гом* 'недовольство, несогласие'; бур. *гомойхо* 'жаловаться, апеллировать'. В основу глаголов п.-мо. *γomduqu*, мо. *гомдох* 'жаловаться; обижаться; досадовать, сожалеть; сокрушаться, убиваться', п.-мо. *γomurququ*, мо. *гоморхох*, калм. *гомрхх* 'плакаться, дуться; ныть; обижаться' заложен образ губ, поджатых от обиды, досады, сожаления. Наиболее ярко образная семантика проявляется в прилагательном п.-мо. *kimsayar*, мо. *хямсгар* 'надменный, кичливый'.

Артикуляционный признак губно-губного *m*, при произнесении которого происходит смычка, сжимание губ, обусловил функционирование звуко-символического корня *чим*, условно воспроизводящего звук щипания пальцами: п.-мо. *čimkikü*, мо. *чимхэх*, бур. *шэмхэхэ*, калм. *чимкх* 'щипать, пощипывать; защемлять'; п.-мо. *čimkiikü*, мо. *чимхийх* 'отдаваться болью, болеть, стрелять (при ощущении боли)'. Ср. п.-мо. *jit*, мо. *жим жим* 'боль, вызванная щипками', *жим жим өвдөх* 'пульсировать', бур. *жэм-жэм шэмхэхэ* 'пощипывать (о морозе)'. П.-мо. *šimširekü*, мо. *шимирэх*, бур. *шэмиэрхэ*, калм. *шимирх*, ойр. *шимширехе* 'щемить, ныть, ломить; робеть' (ср.

рус. *щем-ить*, *с-жим-ать*, *щип-ать*). Корень восстанавливается в других языках алтайской общности: прототюрк. *čim-* 'щипать, брать щипком', прототунг. *č[i]m-* 'хватать когтями; ковырять в зубах; брать щипком' [6, с. 430].

Далее перейдем к рассмотрению звуко-символических лексем, возникших на основе образа открытого рта и объединенных единым дифференциальным признаком: 'нечто небольшое округлой формы'. Появление подобных образований в языке связано с психофизиологическим механизмом синестезии, т. е. перехода ощущений одной модальности в другую (в данном случае из слуховой в зрительную).

В первую очередь со значением 'рот' семантически соотносим другой анатомический термин п.-мо. *umai*, мо. *умай*, бур. *умай*, калм. *ома* 'утроба, чрево; матка' с исходным значением 'женский половой орган'. Образная семантика подтверждается функционированием адъективной формы: п.-мо. *umayar*, мо. *умгар* 'узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)': *умгар амтай* 'с маленьким ртом', а также синонимичного термина мо. *умсаг* 'влагалище'. Ср. также прототунг. **umi* 'дыра'; прототюрк. **(i)am* 'vulva'; протокор. **ümük* 'образовывать впадину, быть вогнутым' [6, с. 599]. Протомонгольскую форму **(h)umaj* авторы EDAL, вслед за А. М. Щербаком, считают заимствованной из тюркских языков: от прототюрк. **umaj* 'плацента, послед; богиня рождения' [6, с. 1498]. Сол. *ом'э* 'утроба, матка' относится к заимствованиям из монгольских языков [4, с. 17]. Следует отметить, что этимологии теонима *Умай*, распространенного среди всех народов алтайской языковой семьи, посвящено немало этнографических, культурологических, лингвистических и др. исследований, однако все версии вследствие ограниченности объема статьи, несомненно,

должны стать предметом отдельного рассмотрения.

Гипервариативность фонем, в том числе гласных, в сфере изобразительной лексики позволяет сопоставить п.-мо. *em-e*, мо. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *эм*, ойр. *эме* ‘женщина’ с производными корня *ум*. В языках алтайской общности также восстанавливаются прототюрк. *eme* ‘самка; старуха’, прототунг. *emV* ‘теща, свекровь; самка; самка оленя, лося’, протояп. *tia*, протокор. *ámh* ‘женщина; самка’ [6, с. 504].

Образ ‘нечто круглое’ мог эволюционировать в архаичной лексеме *эм* по следующей цепочке ‘нечто круглое’ > ‘женский половой орган’ > ‘женщина’. Ср. бур. *хэмнэг* ‘зап. утроба (матери); анат. матка’. О данном первоначении корня косвенно свидетельствует наличие в монгольских языках существительного п.-мо. *emegtei*, мо. *эмэгтэй*, бур. *эмэгтэй* ‘женщина’, в котором выделяется формант *-тэй*, позволяющий перевести словоформу как ‘обладающая эмэг (круглым)’. Как известно, в монгольском языке подобная словообразовательная модель достаточно продуктивна: *бүстэй* ‘юноша, мужчина’ (‘имеющий пояс’), *бүсгүй* ‘девушка, женщина’ (‘не имеющая пояса’) и др.

Еще два анатомических термина отсылают к образу ‘нечто округлое’: п.-мо. *im*, мо. *им* ‘анат. яйцо, яички’; п.-мо. *umadu*, мо. *умдаг*, калм. *омадг* ‘лобок; мошонка’. Авторы EDAL, восстанавливая протомонг. форму **(n)im*, сопоставляют с прототунг. **nāta* / **māna* (**māṅa*) ‘яичко (анат.)’; прототюрк. **jumur* ‘кишки, внутренности’, предполагая, что исторически корень мог отделиться от **jum-* ‘круглый’ и **jumurtka* ‘яйцо’, хотя внутренние контаминации неизбежны [6, с. 962].

Корни с сонантом *м* активно участвуют в образовании названий растений, имеющих клубни: п.-мо. *tömüsü*, мо. *төмс*, ойр. *төмсен* ‘картофель; луковица лилии сараны;

анат. яйцо’, бур. *түмһэ(н)* ‘луковица растений; клубень’. В бурятском языке восстанавливается форма **түмнэ* ‘клубень’ на основе *түмнэтэ ургаса* ‘клубнеплод’ (досл. ‘растение с клубнями’). Прототунг. **tōta* ‘назв. растения со съедобными корнями, похожими на картофель’; прототюрк. **tum-gu-* ‘водяной орех; кувшинка’ [6, с. 1474]. Ср. п.-мо. *ōmbü/ ümbe*, мо. *өмбө/ үмбэ* ‘бот. имбу; айва; момбин клубоносный’; п.-мо. *tümelji*, мо. *түмэлж [чавга]* ‘спаржа блестящая; спаржа клубеньковая’.

Признаки ‘мелкое, круглое’ реализуются в следующих лексемах: п.-мо. *jimis*, мо. *жимс*, бур. *жэмэс* ‘плоды, фрукты, ягоды’, калм. *темсн*, ойр. *темсен* ‘фрукты, плоды, ягоды, овощи’, ср. др.-тюрк. *jimis* ‘овощи, фрукты’. П.-мо. *jimisgen-e*, мо. *жимсгэнэ* ‘ягода, ягоды’. Примечательно, что авторы EDAL восстанавливают прототунг. **jet* ‘округлый, шаровидный’ (эвенк. *jetbete*, нег. *jeṅge*), прототюрк. *jum* ‘круглый; клубок’, считая тюркско-тунгусскую изоглоссу выразительной, но не достаточно прочной [6, с. 1543]. Закономерное чередование аффрикат *j/ ğ* позволяет выделить корень **чим* в субstantиве п.-мо. *ġimeg*, мо. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* ‘украшение, убранство, наряд’, отсылающем к образу ‘нечто мелкое и круглое (о бусинах)’.

Таким образом, исследование фоносемантической характеристики носового губного сонанта *м* в монгольских языках в сопоставлении с другими группами алтайских языков подтверждает, что фоносемантические ассоциации этого звука имеют непосредственное отношение к языковой семантике. Это подтверждает решающую роль сенсомоторного опыта в познании, поскольку именно через призму перцептивного образа репрезентировалась индивидууму окружающая действительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001.
3. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. I.
4. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1977. Т. II.
5. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 1997.
6. *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A—K], Part II [L—Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003.

REFERENCES

1. *Sevortyan E. V.* Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na «G», «D». M., 1980.
2. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov.* Leksika: 2-e izd., dop. M.: Nauka, 2001.
3. *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov.* L.: Nauka, 1975. T. I.
4. *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov.* L.: Nauka, 1977. T. II.
5. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov.* Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na «K», «Қ» / Avt. sl. statei L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.
6. *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A—K], Part II [L—Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003.